
Н. Я. ДАНИЛЕВСКИЙ ГЛАЗАМИ Н. Н. СТРАХОВА

*Томей Лидия Игоревна
(МГУ имени М. В. Ломоносова)*

Год 1869. В свет выходит первый номер журнала издателя и переводчика В. В. Кашпирева (1836–1875) «Заря», в котором была напечатана первая статья из рукописи естествоиспытателя, государственного служащего Н. Я. Данилевского (1822–1885) «Россия и Европа»¹. Таким образом, в течение года вся рукопись Данилевского увидела свет на страницах журнала. Данилевский выбрал подобный формат издания своего основного произведения исходя из того, что современная ему публика книгам предпочитала журналы. Кроме того, публикация одним изданием произведения подобного рода – новаторского, ошеломляющего, открывающего новое видение истории – могла бы повлечь за собой значительные издержки и оставить произведение прозябать в безызвестности. Позволить этому случиться не мог ни сам автор, ни его приятель, поклонник творчества и единомышленник Н. Н. Страхов (1828–1896), который помогал в первом издании, а также переиздавал полностью «Россию и Европу» со своим предисловием. Примечателен тот факт, что при жизни Данилевского его труд не пользовался особой популярностью: «Издание 1871 года в числе тысячи двухсот экземпляров расходилось в продаже в течение пятнадцати лет»².

Страхов высоко оценивал труды Данилевского, восхищаясь не только его литературным дарованием, но и трепетным и добросовестным отношением к служебному поприщу. Описывая жизнь товарища, он отмечал, что еще с детства будущий статский советник отличался

¹ Как отмечает Страхов, «когда в самом начале 1868 года Николай Яковлевич приехал в Петербург, он привез с собой готовую рукопись этой книги, переписанную набело и выправленную до последней строчки». *Страхов Н. Н. Жизнь и труды Н. Я. Данилевского // Страхов Н. Н. Борьба с Западом. М., 2010. С. 375.*

² *Страхов Н. Н. Жизнь и труды Н. Я. Данилевского // Страхов Н. Н. Борьба с Западом. С. 376.*

необыкновенными способностями. «Впрочем, он делал большое различие между предметами преподавания; одни он любил и ревностно изучал, другими упорно пренебрегал и посвящал на них только несколько дней перед экзаменом»³. За все время службы Данилевский совершил более десяти крупных командировок, результатом которых стало написание всего действовавшего тогда рыболовного законодательства – «труд огромной важности по своей пользе и классический по выполнению»⁴. По своим личным качествам Данилевского характеризовали как искреннего, чистого и ясного человека. По замечанию Страхова, Данилевский был человеком известным в узких кругах при том только тем, кто адресно интересовался его службой и работой. «В нем вовсе не было свойств, которыми приобретается известность. <...> Он принадлежал к числу тех, кого можно назвать солью земли русской, к тем неизвестным праведникам, которыми спасается Отечество наше»⁵.

Страхов также отмечает самобытность и самостоятельность идей и умственных построений Данилевского. Помимо десятков важнейших «работ по службе» Данилевского, Страхов выделяет в его литературной деятельности «три главных отдела», три ипостаси его литературного гения: 1) естественнонаучный, и работу «Дарвинизм» (опубликованную, но оставшуюся незавершенной из-за преждевременной кончины автора); 2) политико-экономический, и книгу «О низком курсе наших денег», и 3) исторический (политический), и колоссальный по объему и глубине труд «Россия и Европа».

Говоря подробнее о последнем произведении, Страхов пишет, что «это не публицистическое сочинение, которого вся занимательность заимствуется от известных практических интересов; это сочинение строго научное, имеющее целью добыть истину относительно основных начал, на которых должна строиться наука истории»⁶. И действительно, теория Данилевского о культурно-исторических типах во многом опередила эпоху, доказывая, что история не есть универсальная прямая, равная для всех народов, а есть развертывание во времени и пространстве отдельных культурно-исторических типов с присущими им уникальными чертами, однако, развивающихся, словно живые организмы, от рождения до смерти. И если при жизни автора эта теория

³ *Страхов Н. Н.* Борьба с Западом. С. 364.

⁴ Там же. С. 369.

⁵ Там же. С. 373.

⁶ Там же.

не находила широкой поддержки и всеобщего признания, то сегодня она, пожалуй, актуальна как никогда. И лишь немногие современники, одним из которых был Страхов, ставший ярчайшим апологетом и защитником новой теории, пророчили ей великое будущее. Страхов высоко оценивал как само это сочинение, так и его значение для отечественной мысли. «Россию и Европу» он относит к такой известной школе социально-политической мысли, как славянофильство, называя ее «целым катехизисом, или кодексом славянофильства», являющимся кульминацией всего течения, его квинтэссенцией. Более того, эта книга не есть просто изложение идей славянофилов, подводящее итог их учения. Она содержит в себе общие начала и основания, новые приемы и способы понимания исторического развития и сожителства народов. «Данилевщина» включает в себя славянофильство, никак не иначе, а разбор отношения славянского и романо-германского миров здесь всего лишь частный случай, иллюстрирующий пример.

По верному замечанию Страхова, «эта книга названа слишком скромно. Она вовсе не ограничивается Россией и Европой или даже более широкими предметами – миром славянским и миром германороманским. Она содержит в себе новый взгляд на всю историю человечества, новую теорию всеобщей истории»⁷. Своей работой автор «России и Европы» разрешает многие «национальные вопросы» России, делая выводом всей книги мысль о том, что славянский мир не наделен особой миссионерской ролью, славяне не должны спасать и обновлять мир; они есть особый культурно-исторический мир среди подобных особых, но других типов. Подводя итог, Страхов в своей статье, предварявшей уже третье издание «России и Европы» (1888), писал: «Да и вся теория Н. Я. Данилевского может быть рассматриваема как некоторая попытка объяснить положение славянского мира в истории, – эту загадку, аномалию, эпицикл для всякого европейского историка. В силу того исключительного положения среди других народов, которому в истории нет вполне равного примера, славянам суждено изменить укоренившиеся в Европе взгляды на науку истории, взгляды, под которые никак не может подойти славянский мир»⁸.

⁷ Там же. С. 379.

⁸ Там же. С. 382.